

Александр
Цыбулевский

С
Т

СТОРОЖАТ

НОЧНЫЕ

СТОРОЖА

ИЗДАТЕЛСТВО
«ЛИТЕРАТУРА ДА ХЕЛОВНЕБА»

Александр Удзулевский

ЧТО

СТОРОЖАТ

НОЧНЫЕ

СТОРОЖА

с т и х и

Литература да хеловნება

Т Б И Л И С И 1967

РЕДАКТОР ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Вступительная статья Симона Чиковани

Цыбулевский А. С.

Ц 938 Что сторожат ночные сторожа.
Стихи. Тб., «Литература да хеловнеба», 1967.

72 стр. 2.000 экз. 14 коп.

«Что сторожат ночные сторожа» — первая книга А. Цыбулевского. В стихах поэта — своеобразных и самобытных — лирические раздумья о жизни, о времени, о поэзии.

7-4-2
106-67

Р 2
891. 71-3

СТИХИ АЛЕКСАНДРА ЦЫБУЛЕВСКОГО

В свое время многочисленные читатели «Известий» и ряда республиканских газет Грузии обратили, наверное, внимание на небольшую заметку, в которой сообщалось, что сотрудник Института Востоковедения Академии наук Грузинской ССР Александр Цыбулевский обнаружил где-то в Раче — в горном уголке Западной Грузии—ценнейшую древнюю рукопись—стихотворный вариант грузинской версии повести о Варлааме и Иоасафе. Находка эта не имела прямого отношения к обязанностям, научным интересам и даже к профессии Александра Цыбулевского. Она скорее была связана с его поэтическими склонностями, творческой фантазией с его глубокой любовью к грузинской старине и с знанием этой старины. Нашедший рукопись должен был знать, что дерево вблизи развалин старой церкви увешано украшениями не даром (надо было, кстати, и разглядеть эти стародавние украшения), надо было вспомнить, что в таких деревьях бывают обычно дупла и весьма необычные—служащие своего рода дарохранилищами в дни религиозных праздников. И вот—протянута рука, обшарено дупло—и в руках бесценная рукопись! Для меня несомненно, что это—находка поэта. И Александр Цыбулевский действительно поэт. В первую очередь он поэтическая натура, человек, воспринимающий мир поэтически, в его тайных внутренних связях и волшебных сцеплениях предметов, явлений. Он тот, кто, говоря его же словами, — «вешним миром взят в полон, где в каждом камне торс Венеры,

в коряге каждой — Аполлон». Страстный любитель фотографии, Александр Цыбулевский не только фотообъективом, но и поэтическим глазом умеет выхватывать, останавливать и беречь мгновенные озаряющие вспышки красоты. Из той же Рачи он привез не только древний манускрипт, но и новые свои стихи, впервые именно тогда обретшие самостоятельность, ясность и точность:

Я вспомню — мул бредет по лугу
И странный расцветает пень.
И вспышки новых озарений
Остановлю и сберегу,
Пылание листвы осенней
На рано выпавшем снегу...

И именно он должен был увидеть и запечатлеть:

Был час, когда молчат легенды,
Но горы в горьковатой дымке.
И водопад замолк над бездной,
Остолбенелый, как на снимке.

Над полуночными пирами
Звезда погасла и притихла.
Но что же двинуло горами,
Какая цель, какая прихоть?

Этот «остолбеневший водопад» и «двинувшиеся горы» — конечно, прихоть поэта, но именно **поэта**, и потому раскрывает она «законы красоты», по которым сотворен мир. Не нужно бояться такого «колдовства» — оно всегда служит гармонии, служит прекрасному, а значит — человеку:

Я колдовал над лугом, и проплыли,
Как диски солнца, капельки росы,
И совершилось чудо. Без усилий
Разъединил я время и часы.
И вот уже деления по краю
Бессмысленны. Во сне и наяву

Часы с потертым ремешком швыряю,
Швыряю их в высокую траву.

И не нужно настораживаться — нет ли здесь призыва к лирической «вневременности». Все гораздо проще и естественнее — речь идет о том состоянии, которое закреплено даже поговоркой — «счастливые часов не наблюдают».

Такому счастливому вдохновению дано «двигать горами», под силу сблизать времена и дали, души и сердца людей. Ведь искусство призвано в известном смысле «обобществлять» красоту каждого уголка земли или уголка души человеческой, делать их общим достоянием. А для этого поэт должен прийти, увидеть и полюбить. Тогда ему обеспечена и победа. Стихи Александра Цыбулевского о Раче, о Тбилиси, о Мцхета — как раз такая победа. Я уверен, что вот такие, например, чистые и ясные стихи о маленькой рачинской речушке по праву сделают безвестную Сакауру «достоянием всех», кто прочтет эти стихи:

Поток несется темно-бурый,
А был когда-то голубой,
О голубая Сакаура,
Что ты наделала с собой?

Мне не забыть, как в пене звонкой,
В ласкающей голубизне
Ты диковатую девчонкой
Явилась на мгновенье мне.

Пусть дождь идет и небо меркнет,
И ты уходишь сгоряча,
Незримо над Рачою Верхней
Сияет Верхняя Рача.

Пока что самая сильная, вполне определившаяся и отстоявшаяся сфера в стихах Цыбулевского — пейзаж, мир зримый и пластически ощутимый. Здесь он наиболее самобытен и к тому же свободен от вольных или невольных поэтических реминис-

ценций, мелькающих в его более «субъективной» лирике — в стихах о поэзии, в поэтических посвящениях и обращениях. Этот второй ряд стихотворений более литературен не только по теме, но и по выполнению. Стихи эти читаются с интересом и даже с удовольствием, но им не хватает той ясности и законченности, которая отличает лирические пейзажи Цыбулевского. Если употребить фотографический термин, то стихи эти не всегда достаточно «проявлены», а ассоциации в них порою слишком «затемнены». Недодержка и передержка встречаются в них чаще, чем хотелось бы. Но в любом случае — и это главное — в стихах Цыбулевского просвечивает личность автора — человека редкой душевной чистоты, целомудрия и скромности. Основной тон его стихов — негромкая исповедальность, не слишком откровенная, как бы оберегающая читателя от чрезмерно интимных деталей жизни его души и сердца, но везде честная и естественная, без крупницы поэтической фальши и лирической мимики, порою встречающихся в стихах некоторых молодых (и не только молодых!) поэтов. В стихах Александра Цыбулевского радует определенность его эстетических и этических пристрастий, строгая верность им. И если говорить о недостатках его стихов, как о «продолжении их достоинств», то надо сказать что неприязнь к тематической «всеядности» может привести к некоторой узости круга явлений, охватываемых его поэзией, а скромность и сдержанность — к известной робости и скованности. Поэт и сам сознает, что стоит на пороге новых открытий и что ему предстоит сделать этот решительный шаг. Ощущение этого рубежа сквозит в его стихах, где есть строчки:

...И ласков мир на ощупь,
Но глубже страшно заглянуть...

Глубже и шире — вот дорога, которая предстает поэту, и которую он вполне в силах пройти.

СИМОН ЧИКОВАНИ

«Восторг души первоначальный»

А. Б л о к

Мы к яблоне тянулись белой
Средь звездной августовской тьмы,
Но, руки вскинув, оробели —
В картину вписывались мы.

Незримые тянулись нити
И — пётлею вокруг колен.
Быть может, на своем Таити
Нас предугадывал Гоген.

Ей снятся сны не про меня —
В них садовод тот чинный,
С цветами женская возня,
Достойная мужчины.

Но этот сад во все века
Возделывал не ты ли?
Да, все равно, чей сад, пока
Ее не разбудили.

Мы скоро, только до того угла!
Она и он так убеждали взрослых,
Вершивших свои взрослые дела.
И отпустили двух светловолосых.

А улица старалась, как могла.
Ей запах лип прибавил необъятность.
Ах, пять минут до этого угла,
Ах, пять минут — и повернуть обратно.

АТЕНИ

А тут ущелье — снег не снежный —
Цветеньем персиков течет.
И опыт поцелуев прежний
Как и тогда — уже не в счет.

И ты неверный или верный —
Ты вешним миром взят в полон,
Где в каждом камне — торс Венеры.
В коряге каждой — Аполлон.

●

Вот так предвосхищать возможность
И не уйти в тот свет и тьму,
Как легким взмахом легких ножниц,
Перерезающих тесьму.

И, распадаясь на две части,
Уже не связана она.
И, может, в этом-то и счастье
Так пить и никогда до дна.

Так никогда до дна, как горе.
Как звездопад, как водоем.
Так в небо ствол и в землю корни,
Чтоб никогда не быть вдвоем.

И сохранять смешную верность
Повсюду, где ни ступим мы.
Пока не втянемся в поверхность
Без высоты и глубины.

А нелюбовь моя вешает —
Ей вдруг беда любви ясна.
Бессонницей так освещают
Таинственную сущность сна.

Еще свободен и с любою
Зло различаю от добра.
Еще я не задет любовью,
Но белый локоть у ребра...

●

Я колдовал над лугом, и проплыли,
Как диски солнца, капельки росы.
И совершилось чудо. Без усилий
Разъединил я время и часы.

И вот уже деления по краю
Бесмысленны. Во сне и наяву
Часы с потертым ремешком швыряю,
Швыряю их в высокую траву.

СТИХИ О РАЧЕ

1

Вдруг мельницей окончился лесок.
Я в землю врос, не изменяя позы.
В ромашках утопает колесо,
И синие по белому стрекозы.

Но ты зовешь покинуть этот край,
Все круче по тропинке забирая.
Что ж, может быть, то вовсе был не рай,
А только лишь преддверье рая.

2

Поток несется темно-бурый,
А был когда-то голубой.
О голубая Сакаура,
Что ты наделала с собой?

Мне не забыть, как в пене звонкой,
В отпрянувшей голубизне —
Ты диковатою девчонкой
Явилась на мгновенье мне.

Пусть дождь идет и небо меркнет,
И ты уходишь сгоряча:
Незримо над Рачою Верхней
Сияет Верхняя Рача.

3

Жить неуютно в доме-башне:
Блестит в руках у горца лом.
Да, знаю я, что поделом
Бежит отсюда день вчерашний.

Еще он чуточку отстал,
Любуясь давностью святою:
Как гибок в черном крепкий стан
Старухи, шедшей за водою!

Тут будет дом стоять картинный,
Как у соседа Илико.
Жена уедет далеко
И привезет с собой гардины.

Смешно и грустно, ум мой косный
В воображении своем
Не может здесь придумать дом,
Чтоб на виду стоял у сосен.

Ногою камень отодвинут,
Что прежде в своде был замком.
Мне весело наполовину,
А грустно все же целиком.

4

Был час, когда молчат легенды,
Но горы в горьковатой дымке.
И водопад замолк над бездной,
Остолбенелый, как на снимке.

Над полуночными пирами
Звезда погасла и притихла.
Но что же двинуло горами,
Какая цель, какая прихоть?

5

Да, я переживу разлуку,
Но будет час и будет день,
Я вспомню — мул бредет по лугу
И странный расцветает пень.

И вспышки новых озарений
Остановлю и сберегу —
Пылание листвы осенней
На рано выпавшем снегу.

И после вздорной жажды крови
Хозяйки, нас лишившей сна, —
Вдруг щебетание под кровлей
С глотком холодного вина.

Как эти линии покаты,
Как удивительны мазки!
О человечки, на плакатах
Архитектурных мастерских!

Те вездесущие фантомы
Проскальзывают в каждый дом.
И даже в нашем старом доме
Ваш керамический фантом.

И что с того, что по колено
Мне море жалкого тряпья?
И мы фантомы поколенья —
И ты — не ты, и я — не я.

А это значит новый Некто
Гротеска пустит карусель,
Напишет заново Шинель
И Нос отправит по проспекту.

●

Мне помнится, и я когда-то
В упор с бедою был знаком
И мог бы под своим стихом
Проставить роковую дату.

Сорок восьмой, сорок восьмой ---
Душа прогорклая баланды
И недоказанность баллады
Над пересыльной тюрьмой.

Где коридорный истукан
Шагами тишь ночную мерит,
Внезапно вскрикивают двери.
И дата --- как пятно на ткань.

Сон идет. Но вот его граница
В сне самом становится видна:
Этот человек ей только снится,
Это просто человек из сна.

Он веселой синей бездной правит,
Все законы тяжести поправ.
Ничего не знает он о яви,
Надо объяснить ему про явь:

Ты убить, убить меня попробуй,
Пусть кошмар взовьется ножевой,
Я воскресну, я проснусь!
Но доброй
Человек мотает головой.

Не понять ему, что значит сниться,
Но и мы не растолкуем сны.
Может быть, у снов еще граница
И с другой какой-то стороны?

И его ждет где-то пробужденье:
Жаркий холод. Леденящий жар.
Громыханье тишины. Скольженье
Одичалых, щупающих фар?

●

Беда. С движением не ладно
В век олимпийских, быстрых ног.
Шумит, волнуется Эллада.
Зенон теперь не одинок.

Нет для движения причины —
Ни для руки, ни для лавин.
Дробится путь на половины,
И столько этих половин,

Что бесконечность, встав из праха,
Уже не хвастает, не врет.
Не Ахиллес, а черепаха
Тесемку финишную рвет.

Так половинчатая подлость
Сковала души и тела.
И вот вверху, Олимпа подле —
Висит недвижная стрела.

Не поразит она мишени.
И там, в том вихре впереди,
Движенья нет в самом движеньи,
Есть лишь вращенье средин...

К прилежному пыхтенью пара,
К автомобильной толкотне
Той точкой мертвой бы припала
Морская тишина на дне,

Когда не шла бы из-за леса
В зеленой неоглядной тьме
Колдунья, девочка Олеся,
С веревкой тонкою в уме.

Она себе се представит
Протянутой между дерев,
Споткнуться путника заставит,
Захочетав или запев,

И он откроется, крылатый,
Путь от порога до звезды
Сквозь все Зенона постулаты,
С той неизбывностью беды.

М. Ц.

Я руки простирал, пустые горсти.
Вплывала всяческая суета.
Но оставались, оставались версты
И только версты и одна верста.

Одна верста! К путям не приложима,
Не ею обозначены столбы.
Она одно нашептывала имя
И раскаляла стынувшие лбы.

Одна верста! Казалось бы — химера,
А свет ее доселе не померк.
Одна верста! Бессмертнейшая мера,
Забытая.
Средь эталонов мер.

МЦХЕТА

Воспоминаний дым негорький
Давно уснувшее будил,
Пока старик святой Георгий
Вино из бочки гнал в бутыль.

Он горбился над шлангом длинным,
И влага медленно текла
По чуждой темноте резины
В среду инертную стекла.

Был смысл во всем. И этот голый
Стол предрекал переворот.
Сейчас он явит новой школы,
Как озаренье, натюрморт.

День угасал. Мы все сидели,
Хоть к цели ехали иной.
Прости меня, Светицховели, ---
Так море чувствуют спиной.

В подвале пело и плескало.
Он весь дымился и вставал,
Чтоб предложить свое лекало
Чертить единственный овал.

Но издали роились звуки.
Не исчезайте, я иду,
Бегу, лечу, мои дудуки,
Ду-
 ду-
 ки,
 дуу...

УРОКИ БЛОКА

Светающий кристаллик соли
На отплывающей корме...
Мерещатся мне песни Сольвейг
В изменах царственных Кармен

Той совмещенности доверясь,
Опять замру, чтоб только лишь
Услышать снова черный веер
Сквозь дальний, дальний посвист лыж.

РАЧА ЗИМОЙ

Досталась мне, полъему вопреки.
Лишь удивленья легкая работа.
Шли с перевала вниз грузовики.
И снег лежал пластами на капотах.

А тут на полпути еще тепло.
На небе блеклом яркое знаменье:
С пришитым солнцем облако текло
И гнало вспять полуденные тени.

И по дороге черные волны...
Их обогнав, мы их не обогнали.
Сто лет тому назад, снопы взвалив,
Они бредут в немислимые дали.

Они бредут, бредут, не глядя вниз,
Где медленный, в оранжевой печали —
Исполненный доверия стриптиз,
Что к декабрю деревья обещали.

Но холодно становится спине,
И хрупкость рук подчеркивает иней.
А вот и снег. На белом полотне
Квадрат двора диагоналят свиньи.

Летел туман. Мне с ветром довелось
Вбежать в его огромное строенье.
И жалкою казалась мне до слез
Слов суета на этом пире зренья.

БЕЗ ПОСВЯЩЕНИЯ

1

Смешно, смешно. Седые мастера
Короткой стрижки и одной гребенки
По капельке из вечного пера
Займствуют у той девчонки.

Но лица их не дышат добротой
Под маскою отцовской укоризны.
Все снится им, что нет девчонки той,
И цвет из живописи изгнан.

А девочка идет себе. И луг
На улице. Та улица далеко...
Над головой ее неяркий круг.
Тот круг, что некогда у Блока.

2 Елена

Тут ни при чем любое имя,
Ты — символ, ты — похищена.
И потому для глаз незримо
Идет Троянская война.

Как эта птица неуклюжа.
И все-таки она летит...
И нас внезапно леденит:
Какой-то первобытный ужас.

За стойкой аэровокзала
Мы отвлекаемся вином.
Но в измерении ином:
А что еще она сказала?

Да, что сказала ты, пока
В явь обращалась та утрата
От кассы к выгнутым бокам
Моторизованного трапа?

Там, в том пространстве тишины.
Лишь голос твой сквозь дыма клубы.
Глаза твои, как два Колумба,
К открытиям присуждены.

И ты сказала: этот круг
Впервые горизонтом назван.
Какой почет нам в нем оказан —
Тут, в центре, нежный выдох, — друг.

Да будет пафос этот свят,
Мы на него имеем право.
Тут, как травы доверье к травам,
Его не смоем дождь и град.

И разве расстаетесь вы?
Приникнув к окнам, дали тают.

За те горбатые холмы,
За горизонт не улетают.

4

Оцепенело фрески ждут.
На стенах желтые хитоны.
И распростерты ладони
К тому дождю, к тому дождю.

Как вестник первой капли голой,
Листву сухую нагоня,
Скакал по дальним долам Голос
И гнал коня, и гнал коня.

Пустяшный день.

Такой пустяшный день.
Но приглядишься к нему,
как он заполнен, —
Ведь даже малой сахарницы тень
Звала тебя на век ее запомнить

И за стеклом сутулая спина...
Быть может, этот домысел мой ложен,
Но что-то я забыл и вспоминал,
Как я делил тот жалкий хлеб и ложе.

В журнале бронзовел Хемингуэй,
Там среди львов ютился лев-крылатый.
О вещий признак настоящих дней,
Я этот день уже прожил когда-то.

И было так же пусто на ветру.
Пролет моста перемахнул я сразу.
Запоминая только краем глаза
Для дня другого черную Куру.

Так поздней ночью мы проходим мимо
Тех сторожей, что у огня дрожат.
Охваченные бликами и дымом,
Что сторожат ночные сторожа?

Чем сторожей укрыть от похищений?
Костер в ведерке догорит дотла,
Разрушит утро эти светотени,
И к пеплу ночи тянется метла.

СТИХИ ОБ АРМЕНИИ

1

Еще вздыхают паровозы тяжко,
Стоят и пар транжирят за селом.
И железнодорожная фуражка
Бежит в рассвет с магическим жезлом.

И путь открыт... Из нас не вить веревки
И не купить у Арарат-горы
Тем сочетаньем роскоши с дешевой
Гранитных стен и гипсовой муры.

2

Войди в скульптур исчезнувшую твердь,
В то торжество картинной галереи...
И уходи. Открыта настезь дверь.
Колючий быт лукавит и добреет.

3

На крытом рынке долгий звукоряд.
Чесночный запах, теплый лепет камня,
А эти ждут, молчат, не говорят,
Опавшими торгуют лепестками.

Им скоротать бы время в разговорах.
Над ними тени пляшут, как кинто.
Тот розовый колышащийся ворох
На вес еще не покупал никто.

А время где-то там, с горы крутой —
Два конуса, приникших остриями,
В проходе узком — белой барантой
Течет себе песочными часами.

4

Репатриант ливанец — брадобрей —
Блестит очками, важно клонит выю.
Он мылит щеку правую сильнее,
Чем левую. Считает чаевые.

5

Сановно голубеет ресторан.
Абсолютизма отсветы под носом.
Рыб королева и король — ишхан —
Дымятся рядом на одном подносе

6

В автобусе за струйками воды
Видны холмы сиреневого цвета.
Поет слепой. И мальчик поводырь
Берет, не глядя, мелкую монету.

А это верный признак, что старик
Останется один. У влаги пресной
Солоноватый привкус. Мир велик.
Уйдет мальчишка. Не об этом песня.

Глаза мои тебя не увидали,
Преград нагромоздил строитель-век.
Зачем бетона столько, столько стали?
Достаточно закрытых было век.

Вот он летит пока что неумело,
Твой красный мак, опущенный с моста,
Исчез — мгновенье длится пустота —
И бабочкой выпархивает белой.

Недоуменье... Знак из Ниоткуда...
Мы наблюдаем, наблюдаем, но
Из поля зренья выпадет звено —
И взмахивает крылышками чудо.

Той вечности минуты сочтены
В еще своей, уже чужой квартире.
Мы вспомним врозь и вместе все четыре
Ее гостеприимные стены.

Заката пламенеющего сгусток —
На облако положенный мазок,
И за окном затрепетавший кустик,
Раскачивавший тенью потолок.

Два измерения летают по квартире.
Уже не существует верх и низ...
И высота накапливает высь,
И ширина задумалась о шири.

●

Восстановить мгновение — тот дом
По кирпичу сложить, посторониться...
Чтоб ты прошла и скрылась за углом
С тревожною снежинкой на ресницах.

«СУТЬ ДЕЛА» ГРЭХЕМА ГРИНА

Тут корабли томятся на приколе
И нестерпима синева теней,
А в кабинете, как пустыня, голом
Наручники ржавеют на стене.

Не потому, что этот мир с прискорбным
Лицом своим — уже не правит суд,
А потому, что существует Скоби,
Он на посту. И в этом дела суть.

На дневнике скупом ни капли крови.
И капли света он не приоткрыл.
Откуда ж этот звук по скату кровли
И взмах тревожный утомленных крыл?

А там, в порту, уже закат всегдашний,
И в нем сгорит, как в самый первый раз,
Мечта о Вавилонской башне,
Смещение племен и рас.

Когда рассвет — сквозь ставни — тощий
Перебежит трамвайный путь,
Встаешь, и ласков мир на ощупь,
Но глубже страшно заглянуть.

Шар земной и Хлебников бездомный,
Без него — бездомный шар земной.
Есть кому и некому напомнить
Эту связь бессвязности самой.

●

И в этой обожженной глине
Не только добрый, гулкий звук
И таянье и пенье линий,
А след несглаженный от рук.

Шероховатый, в меру зыбкий,
На грубой кладке и у той
Музейной недотроги скрипки —
Неприкасаемой святой.

Вот так идешь сам по себе,
И удивительные тропы
На ум приходят по тропе
И все к стиху, к стиху торопят.

Но медли суетной рукой
Коснуться лиры, словно дара,
И мало собственного жара,
Необходим и жар чужой.

Пока я в суть прекрасную вникал
И сердце билось учащенно —
Уже рукой водила упрощенность,
Скрипя тупым пером ученика.

Эпитеты случайные легли —
Казалось, безобидно и покорно,
Но где-то, где-то дерева голы
И неживые путаются корни.

Есть связь бессвязная, и лес поник,
Мне кажется, не по своей причине,
Он оживет, когда перо очинят
И обмакнут в единственный родник.

НОВЫЙ ГОД

С утра к тебе отыскивал стезю.
На галереях путаные двери.
Глядит — индюшек траурные перья
Лежат в эмалированном тазу.

И внове все. Надолго. До поры,
До времени. Он к ясности туманной
Спешит расти и забывать в карманах
Добытые орехи для игры.

Уже осмыслен пешек грозный строй,
Расставленный на клеточках блестящих.
Так что же их рассеянной рукой
Громоподобно осыпает в ящик?

Что лбу дарует холодок стекла?
Летят ночные тени или кони.
Туда, к тебе, на лампы светлый конус,
От всех столов на краешек стола.

Закат, закат оранжевого цвета
Все забредал куда-то не туда.
Вот ржавая железная труба,
Чья песенка в печи навеки спета.

Теперь ей хорошо лежать в саду,
От беспорядка зимнего вкушая.
И маленькая самая, большая
Тень от нее не привлечет беду.

ИЗ СТИХОВ О ТБИЛИСИ

1

Предательский фонарь на перекрестке,
А от него совсем недалеко
В траве сожженной, путаной и жесткой,
Бессонно реют сонмы светляков.

И наши тени на скале застыли.
Прислушайся. Не музыка, не стих
И не цветы, что вдруг заговорили, —
А только гул истории затих.

2 Чье-то детство

День стирки. Мылят и полощат
Белье на улице Камо...
Тут проживала тетя Лошадь,
Стоял незыблемо Комод.

Была война, и мама шила.
Двух репродукций дух витал...
Там, где белы теперь белила,
С вождем не спорил Левитан.

3

Путь цыган лежит через «Самайю» —
Через самый летний ресторан.
Ничего в путях не понимая,
Поднимаю за пути стакан.

Ты, цыганка, из какого века,
Чьи упрямо бережешь черты?
Хоть и бродит до сих пор Алеко,
Не похожа на Земфиру ты.

Ты могла бы заплатить по счету —
Все расчеты для тебя легки,
Но Верховное, должно быть, что-то
Предрешило клянчить пятаки.

Разве помнишь отсвет той отчизны —
Блок, вино, отдельный кабинет?
Ты идешь по спуску Элбакидзе
«Синька-лила», «Лезвие «Жилет!»

Я гляжу тебе печально вслед,
У печали легкий привкус киндзи.

ИЗ «ПШАВСКИХ СТИХОВ»

1

Это шарики красной эмали
И янтарные капли смолы.
Это дикие сливы ткемали
Так наивно глядят со скалы.

Только как у обрыва не ахай —
Невозможно всего описать.
Я хочу, миновав Барисахо,
В Шуапхó по тебе заскучать.

Я хочу только малости малой —
Для тебя в необъятном окрест
Сотворить тот единственный жест —
Протянуть на ладони ткемали.

2

Лежит рюкзак, отягощавший плечи.
В густой траве безжизнен он и нем,
Но на него усевшийся кузнечик
Себя собою изваял зачем?

Да, этот путь, как полновесный рог.
Шаг и глоток — похожи, непохожи.

И к быстроте ведет на бездорожье
Медлительная логика дорог.

В ней нечто непостижное уму:
От Пшавии — единственной на свете —
Не уходить и, вопреки всему,
Вдруг опуститься ночью на Кахети...

Тут на вопросы о пути подарят
Невнятный жест, как знаки на коре,
Не пастухи ведут свои отары,
А их гора передает горе.

Тут купола, похожие на шлем,
А самый храм — вооруженный всадник.
Но почему сегодня надо всем
Кричат ослы тревожно и надсадно?

О чем тот крик томительно-прощальный,
Что затаила живопись жилья?
И как связать с основой бытия
Восторг души первоначальный?

ПЕТЕРГОФ

И столько тут божественных примет
Минувшего. Не отрицай их строго.
А лучше так: шоссейную дорогу
Перелети за бабочкой вослед.

И к статуям умолкшим поспеши —
Пусть с высоты прогресса несомненной...
Не в моде суть. Любая современность —
Состав и состояние души.

Так вот откуда лепет торжества —
Мы этой ночи белой фавориты.
Здесь даже звук отдельный: Амфитрита —
Божественен помимо божества.

Пока державной статуе грозил
Чудак Евгений — мраморное скерцо
Тут разрослось. Тут оставляли сердце.

Мы обошли три раза Монплезир.

Это главное, не главное.
И дано, и не дано.
Это вдруг уходит в давнее
В даль раскрытое окно.

Это Блок и быт Италии
В час скрещения ночной.
Это музыки реалии --
Отвлеченной, неземной.

Это признаки осенние
В самый летний, летний зной...
Воскресенье. Воскресение...
Разве просто --- выходной?

●

Спор «Поэта и Толпы» —
Спор, затеянный однажды, —
Не решен. Колышет лбы
Пламя свеч. Стоят и жаждут г.
Жаждут — требуют судьбы.

Зря себя не береги:
Это все равно извечное —
Свечи в кованых подсвечниках
И чеканные шаги.

А потом стекло музея,
Неприкосновенный след,
Женщина среди ротозеев
И простреленный жилет.

Туфель стоптанных домашних
Не касается нога.
По качанию ромашек
След уходит за снега.

Встать над собственной темой
В чем-то, как бы не всерьез, —
Это-то и, видно, Демон
Творчества. Но дале — сквозь.

Кинофильмы, ленты, гримы,
Слепки слухов и мольбы.
Повторим неповторимый
Спор «Поэта и Толпы»?..

ИЗ ПОЭМЫ

1

Взамен приправ --- щепотка реальс --
И загудит котел кипящий.
Мелькнут оранжевые чащи,
Припомнится далекий рейс.

И в колдовском всплывут наваре
Пшаветия или Рача,
Где нами сложенный очаг
Вдруг показался схожим с Джвари.

.

Шьют воздух синие стрекозы.
И мельницы глубокий всплеск.
Чего же более? Но козырь.
Еще приберегает лес.

Там ночью служат: пень столом,
Бокалами — рога оленьи.
Я опускаюсь на колени.
К траве прикладываюсь лбом.

И тосты в облаке парят,
И не мерещится в бескрайнем
Первонсточнике — пора
Моления о лужайке тайной...

Вот марсианский аппарат,
Мерцающий луженой медью.
Пока к звезде летать он медлит —
В сосуды водку капать рад.

И стадо важное звенит,
Идет, звенит колоколами.
Невидимый над головами
Обозначается зенит.

Зенит, прощай! Покинем гордо
Твой полдень, делящийся века.
Нетвердые, мы верим твердо
Стараниям грузовика.

Земля в союзе с колесом,
Хоть в миллиметре держит пропасть.
Вращается бездумно лопасть
На притяжении одном.

Лишь в синеве воздушный змей,
Пресдолев земные меры,
Свой вес и прочие химеры —
В зенит взмывает без затей.

А в тряске
Новый ритм и бред
И прísказка секретная:
Садово-Каретная,
Садово-Каретная
Ни садов тебе,
Ни карет.

Но это очень далеко,
Так далеко, что даже совесть
На сделку с вымыслом влекло —
В одной другую видеть повесть.

Ужель сама с собой не споря,
Сотрет с лица земли гранит,
Даст самый синий образ моря.
Но девушку не сохранит?

Языческое пляшет пламя
Под аппаратом у реки.
Зачем неистовствует память,
Воспоминанью вопреки?

Моя вина... Что ж мимо, мимо.
И губы не произнесут
Далекое простое имя.
И чача капает в сосуд.

2

Во всех деталях ясен план.
Но для стиха — план хуже плена, —
Не забежит пугливо лань.
Ей нужно место отступленья.

Ну так отступим в день иной,
Тем более, что он лукавит:
Того гляди и не оставит
Заметы в книжке записной.

Позируя то тем, то этим
И предвкушая позитив,

Он ставит крупным планом сети,
На солнце их позолотив.

Ты в кадре том совсем раскис,
И неизвестно, что там дальше.
Проходит вечность — шлифовальщик
Камней и раковин морских.

И рыбы, рыбы плавниками
Плетеные корзины трут.
Но не торгуйся с рыбаками,
Неоценим бесценный труд.

Чуть дальше: очередь, буфет,
Пустые о портвейне бредни,
Как в Новгороде, как в Уфе...
Вдруг за стеклом бутылка бренди!

Ужель то самое?! На дамбе
Вкусим его и покорим.
По-го-во-рим о Мандельштаме,
Поговорим и погорим.

Все так же ли Орланд неистов?
А скат шинели тех годов?
Что ж, серая, и я готов...
Привет «кузнечик мускулистый»!

О эти рулады простые...
А как далеко нам до них,
Ведь только одни запятые
Помогут проникнуть в тайник.

И скудное наше призванье
Хлопочет в мучительных снах:
Хотя бы один препинанья
Такой же божественный знак!

.

А солнце падает шаром,
Как далеко уходит утро!
Уходит шелковым шатром,
Качается на волнах юрта,

И каплей огненную канув,
Туда, за горизонт, на дно —
Пошлет к поверхности стаканов
Луны туманное пятно.

И треск транзисторный — костров,
Казнящих слух, — все дальше, тише.
Потух буфет. Шоссе не дышит.
Промчались духи катастроф...

.

А в дне другом — то хрип, то стон —
Бог музыки вершит вендетту:
По всем кустам волочит ленту.
И жрет ее магнитофон.

Воинственный затеяв пляс,
Пугая бодростью и мощью,
Бог вне себя — младую роцу
Пятью динамиками тряс.

Он затаенно жаждал: «Пусть
Один лишь слабый жест протеста --

И ливнем благостным оркестра
Омою тотчас каждый куст!»

Но бунтаря не обнаружив,
Одну пластинку вертит бог
И оскверняет свой чертог
Самоубийственным оружием...

.

Карниз, кивок, каприз, балкон —
Все это далеко, в Тбилиси,
Где среди скамей на самой выси
Скамейки не находит он.

Что ж, улетай, взмахнув плащом.
Лети, но нет и нет прощенья...
Пусть трижды перевоплощен
Ты чудом перевоплощенья —

Все та же была во всем видна,
Нет лишь слезы — чужой, горячей:
Машина времени горючим
На весь отрезок снабжена...

Замри, хранительный инстинкт,
Изведай прибыльную убыль.
Возвышенно поет тростник,
И шепчут шепчущие губы:

Самим собой — не будь, не будь,
Сверни житейские хоругви —
Рассеяннм и близоруким
Переходи трамвайный путь.

Взамен приправ — шепотка рельс
И дымной дали дымный пояс.
И старый кахетинский поезд
Уйдет в осенний пьяный рейс.

О, только так и нужно ехать,
Когда минувшее — маршрут.
Я, вопрошая, ворошу
Давно умолкнувшее эхо.

Оно в покинутых депо
Тоскует, но тоску не гасит,
Лелеет ржавые каркасы
И помнит сквозняков тепло.

Рукой прозрачной тронет грозди,
Висящие на палке в ряд,
Соединяя виноград,
Свисток кондуктора и звезды.

И что-то тянется по полю,
Огнями встречными манит,
Притягивая, как магнит,
Свой противоположный полюс.

Ты тут, далекая, седая,
Покоишься вне берегов,
И крупно звезды оседают
На изоляторах столбов.

Свеча. Наплывы темноты
Бегут по бурдюкам на полках.

Овеществленье пустоты.
О только тут и так и только —

Пока на всех своих парах
Состав плетущийся не станет.
Тьма. Полустанок и Пора
Не мифов ли о мироздании?

.

Но где же я? Еще так рано.
Ты на лужайке. Ты пришит
Воздушно к воздуху. Охранно
Растет покрытый мхом самшит.

Уединенье в сто обхватов
И треск трескучих хворостин.
Откуда запах горьковатый?
Так мог бы пахнуть керосин.

Ужель Команда Огневая
Бредбериевщины фантом?!
Нет, это маме наливает
Наш керосинщик в Наш бидон.

Как он забрел в эпоху газа,
Усовершенствованных плит?
С тех пор не слышал я ни разу,
Как примус воеет и палит.

Мир довоенный, мир покойный.
Отец и мать... Но погоди,

Зачем тут вынырнул конвойный
И Вóлогдою окатил?

Так головой своей повинной
Вступаю под зеленый свод,
Предвосхищая хоровод,
Как в фильме «Восемь с половиной».

СОДЕРЖАНИЕ

Симон Чиковани. Стихи Александра Цыбулевского	5
Мы к яблоне тянулись белой...	11
Ей снятся сны не про меня...	12
Мы скоро, только до того угла!	13
Атени	14
Вот так предвосхищать возможность...	15
А нелюбовь моя вещает...	16
Я колдовал над лугом...	17
Стихи о Раче	18
Как эти линии покаты...	21
Мне помнится, и я когда-то...	22
Сон идет. Но вот его граница...	23
Беда. С движением не ладно...	24
Я руки простираю, пустые горсти...	26
Мцхета	27
Уроки Блока	29
Рача зимой	30
Без посвящения	32
Пустяшный день...	35
И вот, чужой слезы не замечая	36
Так поздней ночью...	37
Стихи об Армении	38
Глаза мои тебя не увидали...	40
Вот он летит пока что неумело...	41
Той вечности минуты сочтены...	42
Восстановить мгновение — тот дом...	43
«Суть дела» Грэхема Грина	44
Когда рассвет — сквозь ставни — тощий...	45
Шар земной и Хлебников бездомный...	46
И в этой обожженной глине...	47

Вот так идешь сам по себе...	48
Пока я в суть прекрасную вникал...	49
Новый год...	50
Закат, закат оранжевого цвета...	51
Из стихов о Тбилиси	52
Из «Пшавских стихов»	54
Петергоф	56
Это главное, не главное...	57
Спор «Поэта и Толпы»	58
Из поэмы	60

ЦЫБУЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

ЧТО СТОРОЖАТ НОЧНЫЕ СТОРОЖА

Художник И. Гурро
Технический редактор А. Якимова
Корректор Б. Багратуни

Сдано в набор 1. X. 1966 г.

Подписано к печати 11. IV. 1967 г.

Формат $70 \times 90\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 2.
2,63 усл. печ. листа. Учетно-издательских 1,69 листа.

Заказ № 3493. Тираж 2.000. УЭ 02752.

Цена 14 коп.

Издательство «Литература да хеловнеба»
Тбилиси, пр. Плеханова, № 179

Полиграфкомбинат Издательства ЦК КП Грузии
Тбилиси, ул. Ленина, № 14

ალექსანდრე სიმონის ქე ციბულევსკი

რას დარაჯობენ ღამის გუზაგანი

(რუსულ ენაზე)

